

Маяковский Владимир Владимирович

Простое, как мычание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович М.**
Простое, как мычание / Маяковский Владимир Владимирович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 118 с.

ISBN 978-5-519-95846-2

ISBN 978-5-519-95846-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Каждого,
 кто
 объ отдыхъ взмолится,
 оплюй въ его весеннемъ днѣ!
 Арміи подвижниковъ обреченнымъ добровольцамъ
 отъ человѣка пощады нѣтъ!

Довольно!

Теперь—
 клянусь моей языческой силою!—
 дайте
 люблю,
 красивую,
 юную,—
 души не растрachu,

и въ сердце насмѣшку плюну ей!

Око за око!

Съвы мести въ тысячу кратъ жни!
 Въ каждое ухо ввой:
 вся земля—
 каторжникъ
 съ наполовину выбритой солнцемъ головой!

Око за око!

Убьете,
 похороните,—
 выроюсь!
 Объ камень обточатся зубовъ ножи еще!
 Собакой забьюсь подъ нары казармъ!

Буду
бѣшенный
вгрызаться въ ножища,
пахнушія потомъ и базаромъ.

Ночью вскочите!
Я
звалъ!
Бѣлымъ быкомъ возросъ надъ землей:
Муууу!
Въ ярмо замучена шея язва,
надъ язвой смерчи мухъ.

Лосемъ обернусь,—
въ провода
впутаю голову вѣтвистую,
съ налитыми кровью глазами,
Да!
Затравленнымъ звѣремъ надъ міромъ выстою.

Не уйти человѣку!
Молитва у рта,—
легъ на плиты просящъ и грязень онъ.
Я возьму,
намалюю

Солнце! лучей не кинь!
Сохните рѣки, жажду утолить не давъ ему,—
чтобъ тысячами рождались мои ученики
трубить съ площадей анаѹему!

Когда
наконецъ,
на вѣковъ верхи ставъ,
послѣдній выйдетъ день имъ,
въ черныхъ душахъ убійцъ и анархистовъ
зажгусь кровавымъ видѣніемъ!

Свѣтаетъ.
Все шире разверзается неба ротъ.
Ночь
пьетъ за глоткомъ глотокъ онъ.
Отъ оконъ зарево.
Отъ оконъ жаръ течетъ.
Отъ оконъ густое солнце льется на спящій городъ.

Святая месть моя!
Опять
надъ уличной пылью
ступенями строкъ ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью
въ исповѣди!

Грядущіе люди!
Кто вы?
Вотъ—я,
весь
боль и ушибъ;
вамъ завѣщаю я садъ фруктовый
моей великой души!

Я.

По мостовой
моей души изъѣзженной
шаги помѣшанныхъ
вьютъ жесткихъ фразъ пяты.
Гдѣ города
повѣшены
и въ петлѣ облака
застыли
башень
кривыя выи,—
иду
одинъ рыдать,
что перекресткомъ
распяты
городовые

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МОЕЙ ЖЕНѢ.

Морей невѣдомыхъ далекимъ пляжемъ,
 идетъ луна—
 жена моя.
 Моя любовница рыжеволосая.
 За экипажемъ
 крикливо тянется толпа созвѣздій пестрополосая.
 Вѣнчается съ автомобильнымъ гаражемъ,
 цѣлуется съ газетными кіосками,
 а шлейфа млечный путь моргающимъ пажемъ украшенъ
 мишурными блестками.

А я?

Несло же, палимому, бровей коромысло
 изъ глазъ колодцевъ студеныя ведра.
 Въ шелкахъ озерныхъ ты висла,
 янтарной скрипкой пѣли бедра?
 Въ края, гдѣ злоба крышъ,
 не кинешь блесткой лѣсни.
 Въ бульварахъ я тону тоской песковъ овѣянъ:
 Вѣдь это жъ дочь твоя
 моя пѣсня
 въ чулкѣ ажурномъ
 у кофеенъ!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МОЕЙ МАМѢ.

У меня есть мама на васильковыхъ обояхъ.
 А я гуляю въ пестрыхъ павахъ,
 вихрастыя ромашки шагомъ мѣряя мучу.
 Заиграетъ вечеръ на гобояхъ ржавыхъ,
 подхожу къ окошку,
 вѣря,
 что увижу опять
 сѣвшую
 на домъ
 тучу.
 А у мамы больной
 пробѣгаютъ народа шорохи
 отъ кровати до угла пустого.
 Мама знаетъ
 это мысли сумасшедшей ворохи
 вылѣзаютъ изъ-за крышъ завода Шустова.
 И когда мой лобъ, вѣнчанный шляпой фетровой,
 окровавитъ гаснущая рама,
 я скажу,
 раздвинувъ басомъ вѣтра вой:
 „Мама“.
 Если станетъ жалко мнѣ
 вазы вашей муки,
 сбитой каблуками облачного танца—
 кто же изласкаетъ золотыя руки
 вывѣской заломленные у витринъ Лаванцо?..

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБО МНѢ САМОМЪ.

Я люблю смотрѣть какъ умирають дѣти.
Вы прибою смѣха мгlistый валъ замѣтили
за тоски хоботомъ?
А я—
въ читальнѣ улицъ—
такъ часто перелистывалъ гроба томъ.
Полночь
промокшими пальцами щупала
меня
и забитый заборъ,
и съ каплями ливня на лысинѣ купола
скакалъ сумасшедшій соборъ.
Я вижу — бѣжалъ,
хитона овѣтранный край
цѣловала плача слякоть.
Кричу кирпичу,
словъ изступленныхъ вонзаю кинжалъ
въ неба распухаго мякоть
„Солнце!“
„Отецъ мой!“
„Сжался хоть ты и не мучай!“
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
Это душа моя
ключьями порванной тучи
въ выжженномъ небѣ
на ржавомъ крестѣ колокольной!
Время!
Хоть ты, хромой богوماзъ,
ликъ намалюй мой
въ божницу уродца вѣка!
Я одинокъ, какъ послѣдній глазъ
у идущаго къ слѣпымъ человѣка!